

УДК 1:93(47)
ББК 87.3(2)522:ТЗ

Алексей Викторович Малов

Финансовый университет при Правительстве РФ, кафедра гуманитарных наук Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, кандидат философских наук, доцент, Россия, Москва, e-mail: alexmatd@mail.ru

Экзистенциальные и концептуальные истоки взглядов Владимира Соловьёва на роль и место России в мировой истории

Аннотация. Предлагается исследование историософских взглядов Владимира Соловьёва на роль России в мировом историческом процессе. Анализируется роль экзистенциального опыта Вл. Соловьёва, оказавшего влияние на его философские изыскания и взгляды мыслителя на историческую миссию России. Внутренние противоречия историософии Вл. Соловьёва рассматриваются в связи с философско-пророческой раздвоенностью его личности и его стремлением совместить рациональное осмысление истории и религиозное мировосприятие. Подчеркивается мозаичность и многослойность мировоззрения Вл. Соловьёва, в котором метафизические и религиозные идеи тесно переплетаются, создавая единую концепцию будущего. Особое внимание уделено метафизической категории другого Абсолютного и идее самоотречения, которые являются ключевыми для понимания логики историософии Вл. Соловьёва. Подчеркивается, что, несмотря на его разочарование в русском обществе в последние годы жизни, вера Вл. Соловьёва в духовный потенциал России и ее мировую миссию оставалась неизменной. Делается вывод о том, что историософия Вл. Соловьёва является отражением его личных и духовных поисков. Противоречивость его взглядов, проявляющаяся в попытках примирить религиозное и рациональное, делает его историософию особенно актуальной для современных дискуссий о роли России в мировой истории. Наследие Вл. Соловьёва предлагает уникальную перспективу для осмысления национальной и религиозной идентичности, призывая к отказу от национального эгоизма в пользу всеобщего блага и многослойного понимания исторического процесса.

Ключевые слова: историософия Владимира Соловьёва, экзистенциальный опыт, нравственная власть, христианская политика, идея самоотречения, национальный дух, мессианство, метафизика

Alexey Viktorovich Malov

Financial University under the Government of the Russian Federation, PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Humanities of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Russia, Moscow, e-mail: alexmatd@mail.ru

Existential and Conceptual origins of Vladimir Solovyov's Views on the Role and Mission of Russia in World History

Abstract. The article is devoted to the study of Vladimir Solovyov's historiosophical views on the role of Russia in the world historical process. The author analyzes the role of V. Solovyov's existential experience having had an important influence on his philosophical research and led to the emergence

of a unique thinker's view of the historical mission of Russia. The article examines the internal contradictions of his historiography, which the author associates with the philosophical and prophetic duality of V. Solovyov's personality and his desire to combine a rational understanding of history and a religious worldview. The mosaic and multilayered worldview of V. Solovyov is emphasized, where metaphysical and religious ideas are closely intertwined, creating a single concept of the future. Special attention is paid to the metaphysical category of the other Absolute and the idea of self-denial, which are key to understanding the logic of V. Solovyov's historiography. It is emphasized that despite his disappointment in Russian society in the last years of his life, Vladimir Solovyov's faith in the spiritual potential of Russia and its world mission remained unchanged. The final conclusion is made that V. Solovyov's historiography is a deep reflection of his personal and spiritual searches. The inconsistency of his views, manifested in attempts to reconcile the religious and the rational, makes his historiography especially relevant for modern discussions about the role of Russia in world history. The legacy of V. Solovyov offers a unique perspective for understanding national and religious identity, calling for the rejection of national egoism in favor of the common good and a multi-layered understanding of the historical process.

Key words: historiography Vladimir Solovyov, existential experience, moral authority, Christian politics, the idea of self-denial, national spirit, messianism, metaphysics

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.4.043-054

*В Россию можно только верить.
Ф.И. Тютчев*

Реконструкция взглядов Владимира Соловьёва на историческую миссию России в мире предполагает обращение к его историософии, определение ее метафизических оснований. Помимо этого, очевидные на первый взгляд противоречия в оценке исторической роли России и путей мировой истории предполагают обращение к экзистенциальному опыту великого русского философа.

Сам мыслитель, признавая неразрывную связь между творчеством и личным опытом, рассматривал истоки жизненной и философской драмы Платона в единстве, в основе которого лежало «влияние смерти Сократа, открывшей перед глазами его ученика всю бездну мирского зла»¹.

Л.М. Лопатин, характеризуя пору молодости творца философии всеединства, пишет о «первом возникновении во Вл. Соловьёве его чрезвычайно определенных эсхатологических чаяний, которые не померкли у него во всю его жизнь»².

Чувство собственной исключительности повлияло на особое восприятие Вл. Соловьёвым христианства, что подтверждается следующими строками его письма В.В. Розанову, датированного 28 ноября 1892 года: «Исповедуемая мною религия Св. Духа шире и вместе с тем содержательнее всех остальных религий...» [3, с. 615].

¹ См.: Соловьёв В.С. Жизненная драма Платона // Соловьёв В.С. Спор о справедливости. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 832 [1].

² См.: Лопатин Л.М. Вл. Соловьёв и кн. Е. Трубецкой // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 119. С. 354 [2].

В октябре 1895 года он пишет В.Л. Величко: «... мы с Вами правил поста не соблюдали и в церковь не ходили, ... так как все это не для нас писано, и всякий это понимает» [4, с. 223]. Своеобразие восприятия Вл. Соловьевым христианства нашло свое воплощение и в признании первосвященства Папы Римского. В трактате «Россия и Вселенская Церковь» философ свидетельствует: «Как член истинной и досточтимой православной восточной или греко-российской Церкви... я признаю верховным судьей в деле религии... апостола Петра, живущего в своих преемниках» [5, с. 277].

Значительное влияние на видение Вл. Соловьевым места России в мировой истории оказала семейная атмосфера, исконно славянская по духу: «Потомок православных священников, внук декабриста, ... Соловьев переживал сложность и внутреннюю непримиренность русской истории как собственную судьбу» [6, с. 104]. Отец философа, автор многотомной «Истории России» и патриот, дед, участник героической обороны Севастополя, не могли не оказать положительного влияния на воспитание у Владимира чувства гордости за Россию, а в дальнейшем не найти своего отражения во взглядах философа на ее великую роль и место в мировой истории.

На формировании историософских воззрений Вл. Соловьева сказался и гимназический период жизни мыслителя. В.Л. Величко утверждает, что уже в те годы будущий философ «с одушевлением доказывал, какую опасность для России и всей Европы представляет в будущем Китай»³.

Первые иностранцы, с которыми общался Вл. Соловьев, были его педагоги. Греческий язык в гимназии преподавал болгарин, видевший в России страну-освободителя. С.М. Соловьев, описывая этот период жизни мыслителя, отмечает, что уровень подготовки немецкого учителя истории, как и переводных учебников Вебера, оставлял желать лучшего и лишь с появлением российского учебника Д.И. Иловайского «гимназисты вздохнули посвободнее»⁴.

Подобное общение с иностранной культурой и ее представителями позволило будущему философу впервые взглянуть на Россию со стороны, приобрести опыт, который однозначно должен был способствовать укреплению веры мыслителя как в силу России, так и в историческую миссию русского народа.

Анализ внешней политики России в современный Вл. Соловьеву период позволяет утверждать, что ни один вопрос в сфере международных отношений, по крайней мере на европейской арене, не обходился без ее самого активного участия. События в Европе в тот период можно справедливо характеризовать не только как антиправославные, но и как антиславянские. Показательно содержание Берлинского трактата от 1878 года, в заключении которого приняли участие все европейские великие державы, вынудившие Россию и воевавшие на ее сто-

³ См.: Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб.: Типография Р. Голике, 1902. С. 41 [7].

⁴ См.: Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. С. 34–35 [8].

роне за свою независимость славянские государства и Румынию к пересмотру Сан-Стефанского мирного договора.

Е.Н. Трубецкой пишет о том, что Вл. Соловьев, переживавший подъем освободительной эпохи, ждал от войны 1877 года пробуждения положительно-го сознания русского народа, при этом его собственное пробуждение выразилось в виде веры в Россию как спасительницу народов. Это пробуждение отразилось в том расширенном понимании русского национального мессианства, которое позднее перешло от Соловьева к Достоевскому⁵.

Исследователи творчества Вл. Соловьева периодически обращают внимание на противоречия в его историософской концепции, ее эволюцию. А.А. Никольский, например, отмечая эту особенность философского наследия Вл. Соловьева, пишет: «Нам нет нужды много распространяться о том, что общественно-исторические воззрения Соловьева ни в коем случае не могут считаться органически неотделимым звеном в составе его философии» [10, с. 324].

На наш взгляд, противоречия в историософии Вл. Соловьева не носят абсолютного характера и в большинстве своем при детальном рассмотрении не являются таковыми. Источники определенных расхождений – уникальные особенности личности мыслителя, его экзистенциального опыта, и сама специфика русской философии, ее удивительная мозаичность и многогранность, уникальная способность легко переходить в проповедничество, при этом, по тонкому замечанию С.Л. Франка, «попутно» решая метафизические вопросы⁶.

В качестве основного источника этих расхождений назовем вечное стремление Вл. Соловьева совместить сущее и должное, небесное и земное, религиозное и философское. И если библейские тексты порой поражают своей многозначностью⁷, то и земная попытка объединить их неким единым смыслом будет обречена как минимум на критику.

Рассмотрим, например, понятие «вечного завета», встречаемое в Откровении. «И увидел я другого Ангела, летящего по середине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, и языку и народу» (Откр. 14:6). Как мог к данной библейской идее относиться человек, обладающий настолько выраженными мистическими свойствами? Принять святоотеческую традицию? Сделать вывод о том, что окончательная Истина миру не дана? А может быть вообще вообразить себя Мессией, которому суждено донести эту истину до человечества?

Как отмечалось выше, философ чувствовал свое мессианское предназначение. Возможно, именно идея дать миру «вечный завет» звучит у Вл. Соловьева в письмах 1873 года к своей возлюбленной Кате Романовой: «... я имею совер-

⁵ См.: Трубецкой Е.Н. Миросозерцание В.С. Соловьева. В 2 т. Т. 1. М.: Московский философский фонд, 1995. С. 76 [9].

⁶ См.: Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 474 [11].

⁷ Вопрос оправдания войны, в частности, до сих пор считается одним из сложнейших и принципиально не решенных в религиозной философии и богословии.

шенно другую задачу, которая с каждым днем становится для меня все яснее, определеннее и строже ... <...> Для себя лично ничего хорошего не предвижу. Это еще самое лучшее, что меня сочтут за сумасшедшего» [12, с. 46–47].

Еще одна проблема – проблема свободы и предопределения. Да, в Библии говорится о грядущем конце света. Кто-то спасется? Несомненно. Сроки указаны? Нет. А будет ли Апокалипсис, если поверят ВСЕ? А можно ли помочь поверить ВСЕМ? В творчестве Вл. Соловьева очевидно стремление подготовить для человечества альтернативу Армагеддону, неминуемому с позиций христианской догматики. Потому и звучат в его историософии два реально возможных сценария развития мировой истории: апокалиптический и богочеловеческий. Потому и «ласкает слух» Вл. Соловьева «дикое имя» «Панмонголизм», свидетельствующее о том, что Провидение более «не безмолвствует», а азиатское нашествие или даже сама его угроза сыграет решающую роль в духовном объединении христианства перед лицом смертельной опасности.

В целом в историософии Вл. Соловьева представлены противоположные, но не взаимоисключающие варианты, объединенные единой целью богочеловечества, и альтернативный – апокалиптический.

Несомненно одно, Вл. Соловьев своим творчеством решал сверхзадачу, воплощая чаяния своего отца, мечтавшего в юности создать синтетическую христианскую философию, которая примирит веру и разум⁸. «Когда... христианство станет действительным убеждением, – пишет он, – т.е. таким, по которому люди будут жить, осуществлять его в действительности, тогда, очевидно, все изменится» [13, с. 133].

Библия и философия Шеллинга, идеи, в них заложенные, а также вечное противостояние Востока и Запада определяют мирозерцание Вл. Соловьева на протяжении всей его жизни и позволяют говорить о некоей цельности взглядов русского мыслителя на исторический процесс в целом и место в нем России в частности.

Библия предполагает апокалиптический конец истории, метафизика Вл. Соловьева, впитавшая идеи Шеллинга, – добровольное подчинение «*другого*» Абсолютному первоначалу. С.М. Соловьев приводит выдержки из альбома философа, относящиеся к его первому заграничному путешествию, в котором Владимир Сергеевич называет Шеллинга «*настоящей предтечей вселенской религии*» и видит в его творчестве «первый зародыш... нового христианства или вселенской религии вечного завета»⁹.

Ключевыми для понимания метафизических оснований историософии Вл. Соловьева являются категория *другого* Абсолютного и идея самоотрицания, добровольного подчинения хаоса Абсолютному началу.

⁸ См.: Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. С. 67.

⁹ Там же. С. 99.

В «Критике отвлеченных начал» он пишет, что Абсолютное было бы «ограниченным, исключительным и несвободным», оставаясь исключительно самим собой, исключая свое *другое*. *Вместе с тем другое* не может быть отрицанием, границей Абсолютного. Таким образом, Абсолютное – «единство себя и своего отрицания»¹⁰, метафизическая сущность мирового процесса состоит в воссоединении Абсолютного, *самоотрицании*, добровольном подчинении *другого* Абсолютному первоначальному.

Самоотрицание, отказ от свободы – ключевые характеристики историософии Вл. Соловьёва. Человечество в процессе движения к богочеловечеству, к достижению всеединства прошло два этапа самоотречения – отказ от свободы в пользу семьи, а затем – в пользу государства. Заключительный этап – отказ от свободы своей воли в пользу Бога¹¹. Вл. Соловьёв пишет: «Преграда, отделяющая от сущего добра или Бога, есть воля человека» [15, с. 221].

Идея добровольного подчинения, проходящая лейтмотивом через историософию Вл. Соловьёва, как и идея богочеловеческого всеединства, лежит в основе целого ряда космополитических суждений философа. Так, в работе «Великий спор и христианская политика» он утверждает: «Христианство, упраздняя национализм, спасает народы, ибо *сверхнародное* не есть *безнародное*» [16, с. 205].

Вл. Соловьёв пишет: «Как личное самоотвержение, победа над эгоизмом не есть уничтожение самого эго, самой личности, а, напротив, есть возведение этого эго на высшую ступень бытия, точно так же и относительно народа: отвергаясь исключительного национализма, он не только не теряет своей самостоятельной жизни, но тут только и получает свою действительную жизненную задачу. Эта задача открывается ему не ... в осуществлении мнимой и самозванной миссии, а в исполнении исторической обязанности, соединяющей его со всеми другими в общем вселенском деле» [16, с. 205].

В «Оправдании добра» читаем: «Для христианина государство, даже и осененное крестом, перестало быть высшим благом и окончательной формой жизни» [17, с. 471].

Утверждая подлинную самость русского народа в самоотречении во имя целого, Вл. Соловьёв называет значимыми событиями его истории призвание варягов, в котором он видит «акт народного самоотречения», а также отречение от язычества ради христианства. Высоко оценивает мыслитель и реформы Петра I, которые, с одной стороны, являются актом отречения от уединенного существования во имя участия в европейской истории, а с другой – отходом России от единого с Византией языческого пути самодовольства [18]. Далее, со-

¹⁰ См.: Соловьёв В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьёв В.С. Философские начала цельного знания. Мн.: Харвест, 1999. С. 824 [14].

¹¹ В этом позиция мыслителя совпадает с идеями Августина и Н. Бердяева о «свободе в Боге», «иррациональной свободе».

гласно Вл. Соловьеву, Россия должна была отказаться от православного изоляционизма во имя свободной теократии¹².

Именно метафизикой Вл. Соловьева объясняется высказанная им идея служения России Папе, которая порой вызывает недоумение у исследователей его творчества.

Важное место в понимании историософии Вл. Соловьева, его взглядов на будущее России занимает проблема Востока и Запада. В «Оправдании добра» он характеризует Троянскую войну как «начало земной, мирской истории человечества, которая во все свое продолжение вращается вокруг роковой борьбы между Востоком и Западом при все более и более расширяющейся арене»¹³.

В работе «Три силы» Вл. Соловьев утверждает, что в современной истории более ничто не имеет общемирового значения кроме мусульманского Востока, европейской цивилизации и славянского мира¹⁴. Россия, с точки зрения философа, призвана объединить Восток и Запад. Для подобного объединения, по мнению Вл. Соловьева, нужен народ, который живет «верой в положительную действительность высшего мира» и проявляет «покорное к нему отношение». «А эти свойства, – утверждает Вл. Соловьев, – несомненно, принадлежат племенному характеру Славянства, в особенности же национальному характеру русского народа» [20, с. 30].

Еще одна, менее масштабная задача России – свободное развитие стран христианского Востока, обеспечение их национальной и религиозной независимости – формулируется Вл. Соловьевым в изданной после его смерти небольшой работе «Грехи России»¹⁵.

Ресурс провидческого права, предупреждающего смешение искоренения язычества с искоренением язычников¹⁶, Вл. Соловьев видит в развитии духовных сил государства. Западу, в котором «... единственное величие... есть величие капитала», и миру в целом Россия призвана «сообщить живую душу, дать жизнь и целость разорванному и омертвелому человечеству через соединение его с вечным божественным началом»¹⁷. Вместе с тем Вл. Соловьев отдает должное Риму, который, в силу своего практицизма, достиг больших успехов на пути к построению царства Божия на земле.

Говоря о достоинствах Запада, философ пишет: «Россия обладает, может быть, великими и самобытными духовными силами, но для проявления их ей, во всяком случае, нужно принять и деятельно усвоить те общечеловеческие формы жизни и знания, которые выработаны Западной Европой» [23, с. 262].

¹² См.: Межуев Б.В. «Он видел особую миссию русского народа». Почему философ Владимир Соловьев считал, что Россия объединит все человечество? // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 17 [19].

¹³ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 476.

¹⁴ См.: Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 20 [20].

¹⁵ Соловьев В.С. Грехи России // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 207–211 [21].

¹⁶ См.: Соловьев В.С. Спор о справедливости. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 659 [22].

¹⁷ См.: Соловьев В.С. Три силы. С. 29.

Скорей всего, под «общечеловеческими формами жизни и знания» философ подразумевал создание в России условий для развития духовной свободы и ее правовое (конституционное) устройство.

Вл. Соловьев был далек от идеализации как современной ему России, так и русского народа. Однако его «внешний образ раба», как и «жалкое положение России в экономическом и других отношениях», по мнению философа «не только не может служить возражением против ее призвания, но скорее подтверждает его»¹⁸. Это парадоксальное на первый взгляд суждение, скорее всего, имеет у Вл. Соловьева библейские основания: «Двух вещей я прошу у Тебя, не откажи мне, прежде нежели я умру: суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом» (Притч. 30:7-8). Бедность, простота, послушность власти – вот те качества русского народа, которые, по мысли Вл. Соловьева, являются подтверждением его избранности.

Стержень исторического национального предназначения России состоит в ее способности и возможности реализовать в мире и для мира «великую скрытую силу национального духа»¹⁹.

Многочисленные резкие оценки России и русского народа, количество которых возрастает в последний период творчества мыслителя, связаны не с разочарованием в ее (и его) потенциале, а с осознанием краха мессианских иллюзий философа, его веры в то, что эсхатологические ожидания юности будут оправданы при жизни. Вл. Соловьев пишет в 1891 году: «В настоящее время я изнемогаю под тяжестью усилий образовать из нашего хаоса, или просто слякоти, хотя бы микроскопическое ядрышко для будущего общественного организма» [24, с. 54]. Осенью того же 1891 года он, противореча своим антиреволюционным воззрениям, говорит Л.Ф. Пантелееву: «Я хочу предложить Драгомирову стать во главе русской революции.... Если во главе революции будут стоять генерал и архиерей, то за первым пойдут солдаты, а за вторым народ, и тогда революция неминуемо восторжествует» [25, с. 12]. Е.Н. Трубецкой, комментируя этот факт, пишет, что год спустя Вл. Соловьев окончательно отказался не только от революционных помыслов, но и от каких-либо надежд на российское общество.

Тем же крахом позитивных эсхатологических ожиданий пронизан дух «Трех разговоров»²⁰. Вл. Соловьев возвращается к Библии и теме Апокалипсиса. Трудно утверждать, окончательно ли он отказывается от идеи земного богочеловечества или показывает его возможную альтернативу, особый акцент делая на горькой судьбе России. С позиции христианства авторство «Краткой повести об антихристе» – тяжелейший грех, на который Вл. Соловьев идет сознательно, и ничем, кроме крайней степени отчаяния, его решение объяснить нель-

¹⁸ См.: Соловьев В.С. Три силы. С. 30.

¹⁹ См.: Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь. С. 272.

²⁰ Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Спор о справедливости. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 451–586 [26].

зя. В Откровении Иоанна четко указано, что «всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей» (Откр. 22:18). В.Л. Величко вспоминает переживания Вл. Соловьева по этому поводу и его вопрос: «А как Вы думаете, что будет мне за это?»²¹.

В «Трех разговорах» Вл. Соловьев не отказывается от признания особого духа православия и русской земли. Обращает на себя внимание тот факт, что папа Петр II отличился в «борьбе с одной усилившейся в Петербурге и его окрестностях сатанической сектой»²², а далее служил архиепископом могилевской епархии, располагавшейся на территории Российской империи. Еще более значимой выглядит роль старца Иоанна, «действительного, хотя и неофициального вождя православных», первым распознавшего антихриста. «Неофициальный» статус лидера православного мира можно объяснить окончательным разочарованием мыслителя в структурах не только русской православной церкви, но и православия в целом.

Богословская историософия Вл. Соловьева, представленная в «Трех разговорах», имманентно пронизана идеей круга. Имена персонажей Иоанн, Петр и Пауль совпадают с именами Иоанна Крестителя, апостолов Петра и Павла. «Частично верующий» молниеносный Аполлоний символизирует язычество. Криптоним Господина «Z», служащий антитезой «А» антихриста и Аполлония, может быть интерпретирован как элемент Откровения «Я альфа и омега». И наконец, еврейский народ, начавший, согласно Библии, земную историю или, по крайней мере, первый, услышавший волю Бога, эту историю и завершает.

В.В. Розанов в память о Вл. Соловьеве пишет: «Во всем он был застрельщиком. Многое начал, но почти во всем или не успел, или не кончил, или даже вернулся назад. Но если были неудачны его “концы”, то были высококачественны и нужны для отечества» [27, с. 218].

Безусловно, предложенная Вл. Соловьевым система разделения властей, включающая политического лидера христианского государства, власть которого ограничена только властью независимого от него первосвященника, – красивая утопия. Тем не менее значимой для нынешнего непростого времени является идея нравственной власти, пронизывающая красной нитью творчество Вл. Соловьева, так же как и мысль философа об отказе от национального эгоизма, весьма актуальная для субъектов современных международных отношений.

Неизменной во взглядах Вл. Соловьева на роль и место России в мировой истории оставалась и вера в богатый духовный потенциал русского народа, бережное отношение к которому было и остается одной из главных задач современного российского общества.

²¹ См.: Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. С. 168.

²² См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 571.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Соловьев В.С. Спор о справедливости. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 802–848.
2. Лопатин Л.М. Вл. Соловьев и кн. Е. Трубецкой // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 119. С. 339–374.
3. Соловьев В.С. Розанову // Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь. Мн.: Харвест, 1999. 615 с.
4. Соловьев В.С. Письма к В.Л. Величко // Письма В.С. Соловьева: в 4 т. Т. I. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1908. С. 200–241.
5. Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь // Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь. Мн.: Харвест, 1999. С. 233–524.
6. Рашковский Е.Б. Современное мирознание и философская традиция России: о сегодняшнем прочтении трудов В. Соловьева // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 92–106.
7. Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб.: Типография Р. Голике, 1902. 209 с.
8. Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. 431 с.
9. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание В.С. Соловьева. В 2 т. Т. 1. М.: Московский философский фонд, 1995. 606 с.
10. Никольский А.А. Русский Ориген XIX века Вл.С. Соловьев. СПб.: Наука, 2000. 420 с.
11. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
12. Вл.С. Соловьев. Из писем к Е.В. Селевиной // Вл.С. Соловьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 45–47.
13. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. М.: Юрайт, 2024. 359 с.
14. Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. Мн.: Харвест, 1999. С. 390–906.
15. Соловьев В.С. Духовные основы жизни. Мн.: Харвест, 1999. С. 208–335.
16. Соловьев В.С. Великий спор и христианская политика // Соловьев В.С. Спор о справедливости. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 197–306.
17. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1988. С. 47–580.
18. Соловьев В.С. Несколько слов в защиту Петра Великого // Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке рус. мыслителей и исследователей: антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 368–385.
19. Межуев Б.В. «Он видел особую миссию русского народа». Почему философ Владимир Соловьев считал, что Россия объединит все человечество? // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 7–19.
20. Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 19–31.
21. Соловьев В.С. Грехи России // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 207–211.
22. Соловьев В.С. Спор о справедливости. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 864 с.
23. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 259–685.
24. Соловьев В.С. Михаилу Матвеевичу и Любовь Исааковне Стасюлевич // Письма В.С. Соловьева: в 4 т. Т. IV. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1923. С. 30–85.
25. Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл.С. Соловьева: в 2 т. Т. 2. М.: Московский философский фонд, 1995. 619 с.
26. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Спор о справедливости. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 451–586.

27. Розанов В.В. На панихиде по Вл.С. Соловьеву // Вл.С. Соловьев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 216–218.

References

(Sources)

Collected Works

1. Solov'ev, V.S. *Dukhovnye osnovy zhizni* [Spiritual Foundations of Life]. Minsk: Kharvest, 1999, pp. 208–335.
2. Solov'ev, V.S. Grekhi Rossii [Sins of Russia], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 207–211.
3. Solov'ev, V.S. Iz pisem k E.V. Selevinoy [From letters to E.V. Selevina], in *Vl.S. Solov'ev: pro et contra* [Vl.S. Solovyov: pro et contra.]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI, 2000, pp. 45–47.
4. Solov'ev, V.S. Kritika otvlechennykh nachal [Criticism of Abstract Principles], in Solov'ev, V.S. *Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya* [Philosophical Principles of Integral Knowledge]. Minsk: Kharvest, 1999, pp. 390–906.
5. Solov'ev, V.S. Mikhailu Matveevichu i Lyubov' Isaakovne Stasyulevich [To Mikhail Matveevich and Lyubov Isaakovna Stasyulevich], in Solov'ev, V.S. *Pis'ma: v 4 t., t. 4* [Letters in 4 vols., vol. 4]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1923, pp. 30–85.
6. Solov'ev, V.S. Natsional'nyy vopros v Rossii [The National Question in Russia], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 259–685.
7. Solov'ev, V.S. Neskol'ko slov v zashchitu Petra Velikogo [A Few Words in Defense of Peter the Great], in *Petr Velikiy: pro et contra. Lichnost' i deyaniya Petra I v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: Antologiya* [Peter the Great: pro et contra. The Personality and Deeds of Peter I in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers: Anthology]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI, 2001, pp. 365–385.
8. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [Justification of Good. Moral Philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 47–580.
9. Solov'ev, V.S. Pis'ma k V.L. Velichko [Letters to V.L. Velichko], in Solov'ev, V.S. *Pis'ma: v 4 t. t.1* [Letters in 4 vols., vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1908, pp. 200–241.
10. Solov'ev, V.S. Rossiya i Vselenskaya Tserkov' [Russia and the Universal Church], in Solov'ev, V.S. *Rossiya i Vselenskaya Tserkov'* [Russia and the Universal Church]. Minsk: Kharvest, 1999, pp. 233–524.
11. Solov'ev, V.S. Rozanovu [To Rozanov], in Solov'ev, V.S. *Rossiya i Vselenskaya Tserkov'* [Russia and the Universal Church]. Minsk: Kharvest, 1999, 615 p.
12. Solov'ev, V.S. Spor o spravedlivosti [A Dispute about Justice], in Solov'ev, V.S. *Spor o spravedlivosti* [A Dispute about Justice]. Moscow: EKSMO-Press, 1999, pp. 650–662.
13. Solov'ev, V.S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирной istorii [Three Conversations on War, Progress and the End of World History], in Solov'ev, V.S. *Spor o spravedlivosti* [A Dispute about Justice]. Moscow: EKSMO-Press, 1999, pp. 451–586.
14. Solov'ev, V.S. Tri sily [Three Forces], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 19–31.
15. Solov'ev, V.S. Velikiy spor i khristianskaya politika [The Great Controversy and Christian Politics], in Solov'ev, V.S. *Spor o spravedlivosti* [A Dispute about Justice]. Moscow: EKSMO-Press, 1999, pp. 197–306.
16. Solov'ev, V.S. Zhiznennaya drama Platona [Plato's Life Drama], in Solov'ev, V.S. *Spor o spravedlivosti* [A Dispute about Justice]. Moscow: EKSMO-Press, 1999, pp. 802–848.

Individual Works

17. Frank, S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow: Respublika, 1992. 511 p.
18. Mochul'skiy, K.V. *Gogol'. Solov'ev* [Gogol. Solovyov]. Moscow: Yurayt, 2024. 359 p.
19. Rozanov, V.V. Na panikhide po Vl.S. Solov'evu [At the Memorial Service for Vl. S. Solovyov], in *Vl.S. Solov'ev: pro et contra* [Vl.S. Solov'ev: pro et contra]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI, 2000, pp. 216–218.
20. Solov'ev, S.M. *Vladimir Solov'ev: Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya* [Vladimir Solovyov. Life and its creative evolution]. Moscow: Respublika, 1997. 431 p.
21. Trubetskoy, E.N. *Mirosozertsanie V.S. Solov'eva. V 2 t., t. 1* [Worldview of V.S. Solovyov. In 2 vols., vol. 1]. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond, 1995. 606 p.
22. Trubetskoy, E.N. *Mirosozertsanie V.S. Solov'eva. V 2 t., t. 2* [Worldview of V.S. Solovyov. In 2 vols., vol. 2]. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond, 1995. 619 p.
23. Velichko, V.L. *Vladimir Solov'ev. Zhizn' i tvoreniya* [Vladimir Solovyov. Life and works]. Saint-Petersburg: Tipografiya R. Golike, 1902. 209 p.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

24. Lopatin, L.M. Vl. Solov'ev i kn. E. Trubetskoy [Vl. Soloviev and Prince E. Trubetskoy], in *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1913, book 119, pp. 339–374.
25. Mezhuev, B.V. «On videl osobuyu missiyu russkogo naroda». Pochemu filosof Vladimir Solov'ev schital, chto Rossiya ob'edinit vse chelovechestvo? [“He saw a special mission of the Russian people”. Why did philosopher Vladimir Solovyov believe that Russia would unite all of humanity?], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 1(81), pp. 7–19.
26. Rashkovskiy, E.B. Sovremennoe miroznanie i filosofskaya traditsiya Rossii: o segodnyashnem prochtenii trudov V. Solov'eva [Contemporary Worldview and the Philosophical Tradition of Russia: On Today's Reading of the Works of V. Solovyov], in *Voprosy filosofii*, 1997, no. 6, pp. 92–106.

(Monographs)

27. Nikol'skiy, A.A. *Russkiy Origen XIX veka Vl.S. Solov'ev* [Russian Origen of the 19th century Vl.S. Solovyov]. Saint-Petersburg: Nauka, 2000. 420 p.